

Татьяна Мартынова

Пять рассказиков

Былины

Бабушка моя, Виктория Львовна Штучкина, урожденная Розовая, когда была помоложе, любила петь мне, в ту пору младенчику, былины о стародавнем времени, когда в государстве нашем порядка было поменее, а свободы поболее, и люди жили в довольствии и веселии:

Тут солнышко Владимир стольнокиевский как накинуд эту службу да великую на того Добрыню на Никитича – ему съездить далече во чисто поле и достать ему князеву племянницу молодую Забаву дочь Потятичну.

Все-все я понимал и про великого князя, и про богатырей, и про служилых людей, и про поганого Змея Горыныча. Недавно Ленку из Беляевки вызволили таким же макарком. Хлопнули с Васькой ее похитителей, двоих, Ленку в машину, – да и смылись, пока Рома-Хрень не вернулся.

А тогда, в далеком сладком детстве, завернутый в несколько газет и славно угревшийся, я засыпал только под жужжание прялки и звуки бархатного голоса моей бабушки.

Полная классика

Эта жучка из мастер-сервиса меня доведет когда-нибудь до преступного деяния. Пришел заправить картриджи к тонконогой, остроносой. Неважно. Красивой, как месяц ясный. В Одессе у нас они все – офигительные. Говорю, так, мол, и так. Она: сто десять

гривень. Заплатил через кассу. «Когда готово будет?» – спрашиваю. «К трем часам подойдите». Подъехал к трем. «Нет, не готово. Ваши картриджи промывать надо. Давно вы печатали что-нибудь на своем принтере?» – «Вчера», – говорю. «Через час подойдите. Промоем и заправим». Через час подкатываю. Не готово! Промыть не могут. На пробном листке полосы идут. «Когда же?» – спрашиваю. С легкой злостью. «На ночь оставьте... Завтра приходите».

Приехал назавтра. «Не канает ваш черный картридж. Что смогли, то и сделали. Серый шрифт будет. И картинки – с легкой полосой». – «А мне неважно, с полосой или без полосы. Мне – распечатать объявление о пропаже бабушки. Восемьдесят три года. Лицо в полосах, тьфу, в морщинах. Особые приметы: без особых примет, старуха». – «Тогда доплатите тридцать гривень за промывку». Плачу. Забираю картриджи. Дома десяток объявлений распечатал с фотками – и все! Кончились чернила в картриджах. Я – к ним, в мастер-сервис: «Как это понимать? Чернила кончились». – «Не знаю. Приглашу инженера». Приходит такой: «Что вы хотели?». Я ему опять все то же, но с нарастающей. Роба у него красивая больно. Такие вот и воруют бабушек! «Недолив», – говорю. «Да что вы! Такого у нас не бывает. Пойду проверю на оборудовании». Выходит. «Все нормально, даже лишнее залито, я проверил. Просто картридж ваш засорен очень. Работать не будет», – «Да он новый был картридж! Что мне делать теперь? И как это – черный засорен, а цветной – как огурчик?» – «Ничего не могу сказать. Эти картриджи, вообще-то, одноразовые. Мы их беремся перезаряжать без всякой гарантии». А жучка с ножками – мне: «Купите новый». – «И сколько он стоит?» – «Девяносто восемь гривень». Двенадцать долларов, значит. «На двести копий хватает, к вашему принтеру как раз подходит. К Дескджету 3050. Берете?» Взял. Заплатил. «Мы, – говорит, – даже вам ваши тридцать гривень возвращаем», – и телефончик фирмы мне сует. А там приписка ее рукой: «Алла». Все. Думал, все! Позвоню. Приглашу в кафешку. Отметим. Пришел домой, распечатал объявлений сорок. Кончился картридж. Все тот же черный, фирменный. Ну, я даже в зеркало на себя взглянуть побоялся. Так, вообще-то, по сто раз в день гляжу. А тут чувствую: сам не свой. Прибегаю назавтра в фирму эту. «Да, – говорит. – Я забыла вам сказать, что сейчас эти картриджи, именно этой марки, еще на фабрике только на тридцать процентов емкости

заправляются, такая у них политика. Зато они могут быть повторно использованы, – и потупившись, спрашивает: – А что ж вы не позвонили?» А я прямых вопросов не люблю, нервничаю: «Сколько ждать мне, – спрашиваю, – еще? Пока вы заправите мне уже этот, новый картридж?». – «К пяти часам подходите, я к пяти освобождаюсь!» – и на меня так смотрит... «Платить сейчас?» – «Можно». – «Сколько?» – «Пятьдесят пять гривен». – «Хорошо». Заплатил.

Подъезжаю без четверти пять. Жучки Аллы на месте нет, есть другая. Другая говорит мне: «Пока не готов. Ваш картридж промывать надо. Вы когда им в последний раз пользовались? Он засорен очень... Тридцать гривен за промывку доплатите». – «Та-ак. Тара, значит, слабовата!» – рычу. Она отпрыгнула в сторону: «Какая тара?!». Не читала Зоценко, видать. «Обыкновенная! Ах вы су...» – «Не дерзите! – инженер выскочил. – Мы вам сейчас все сделаем!» – «Ладно». Вышел я и дверью хлопнул. Не будь у меня другой заботы, я бы им показал. Но бабушка меня останавливает. Ее же искать, кроме меня, некому...

Утро жизни

«Ах, как замечательно, восхитительно и превосходно, даже я бы сказала, прелестно то, о чем я никогда не узнаю, не примерю, не съем, не схвачу, не оценю, не затопчу, не включу, не выключу. Что не увижу в жизни своей – такой тихой, скромной, невидной, неряшливой, такой чистой, неумной, бесхитростной... Сейчас открою страничку ее и прочитаю: «В целом ряде случаев выражение отношения к объекту не осложняется качественными значениями». Не осложняется! Не нужно, Евпраксеюшка, ничего осложнять в своей жизни, она – достойная! Вот постоянное свойство объекта, тебе принадлежащего. Какого еще качества жизни тебе нужно-то? Наблюдай за нею, наполняйся и переполняйся ею!» Евпраксея потянулась с хрустом, едва не скатившись с лежанки, сбросила с ног кошку и, счастливо засмеявшись, осталась лежать в подушках, пахнущих теплым пером, куриным пометом и свежевыстиранной наволочкой. Сквозь морозные узорные стекла пробивался синий рассвет.

По ящику

По ящику шла программа передач, и она долго ее слушала, не запоминая. Красочная реклама вывела было из равновесия. Пришлось стабилизировать свой вес, вытирать нос интересною салфеткою (оказалась памперсом), встречаться один на один с мистером Клином (или Клинингом? А! Нет! Мускулом... Ничего мужчина. Потом из интервью с руководителем края она поняла, что «В данный момент нам нужны ученые...». Зачем?). Показ длился минуты три, затем наступило плановое веерное отключение электричества. У колодца собиралось общество, в которое Евпраксея не вступила, спешила на ферму. Огромное стадо гусей встретило ее весело, хлопало крыльями, и Евпраксея расцвела: «Тега-тега-тега!». Нужно было засыпать им корм в кормушки, и вообще, спешить, спешить. Вечером предстояло ехать в город. Генеральный консул давал бал для людей дела. Так, во всяком случае, она поняла из объявления по ящику. А еще надо успеть забежать к Надьке за туфлями и диадемой и уговорить Петьку, водителя рейсового автобуса, на обратном пути подождать ее на автостанции.

Радость

Когда бабуля нашлась, я напился. В «Семь сорок» с Виталей пошли и стали лакать по-черному. Он «Немирофф», а я «Спецзаказ», он мягче. Легче идет. Бабушка просидела три дня на пирсе с удочкой. И никто ее оттуда не снял. Куда пограничники смотрят? А она увлеклась рыбной ловлей. Бычок шел, как сумасшедший, на мидию. За мидиями ныряла, говорит, сама. У нее такие грабельки есть острые: нырнет, наколупает полную сетку и – назад. Зима в Одессе бесснежная. Температуры плюсовые. Она и не замерзла. Кроме того, говорит, грелку с собой брала. Спрашиваю: «Какую грелку?». «Абсолют», – говорит. «А-а!» И это не смотря на то, что внук советовал «Спецзаказ»? Не послушалась! Вот и потерялась...